

П. А. Лунёв

Музейная коллекция Афанасия Лунёва: феномен меценатства или общественно-личностных отношений

Выступая в 1995 году на торжествах по случаю 40-летия Пархомовского историко-художественного музея, Афанасий Фёдорович Лунёв сказал такую фразу: «Я до сих пор не перестаю удивляться, почему мне, простому сельскому учителю, люди давали бесценные произведения искусства для сельского школьного музея, просто веря мне на слово». И действительно, ведь стоит задуматься над тем, как и почему происходило то, что в течение многих десятилетий известные художники, деятели культуры, крупнейшие музеи страны и Германии, союзные и региональные творческие организации, государственные фонды, Министерство культуры СССР, народные художественные промыслы из самых отдалённых уголков Советского Союза дарили экспонаты для Пархомовского музея.

Как нам кажется, анализируя эту проблему, её следует разделить на два аспекта. Первый заключается, несомненно, в самой личности создателя музея, который своей искренней бескорыстностью подкупал, «обезоруживал», если можно так сказать, самых искушённых скептиков и они всецело становились на позиции того, что Лунёв, возможно, и чудака, но ему стоит помочь в его стремлении создать в сельской глубинке настоящий профессиональный музей. То есть, это можно определить, вне всякого сомнения, как феномен самой личности Афанасия Фёдоровича, отдав должное его таланту организатора и подвижника.

Другой аспект нам видится в том, что всё это происходило в условиях советской действительности, где общественно-личностные отношения сложились таким благоприятным образом, что в обществе возник своеобразный феномен культурного взлёта, как это не парадоксально может звучать в общем хоре нынешнего нашего осуждения всего, что было в нашем «проклятом» коммунистическом прошлом. А на самом деле, произошло то, что устремления и деятельность А. Ф. Лунёва, как нам думается, легли на благодатную почву общественного бескорыстия, которое сформировалось

в условиях советского общества периода хрущёвской оттепели и брежневской эпохи так называемого «застоя». Вот эту взаимосвязь и хотелось бы как-то поподробнее проследить.

Поэтому нам представляется необходимым несколько глубже коснуться такого понятия как меценатство, увязав это явление с исследуемым нами временном историческим отрезком.

Известно, что меценат — лицо, способствующее на добровольной и безвозмездной основе развитию науки и искусства. Соответственно, меценатство — покровительство развитию науки и искусства.

В Российской империи меценатство имело давние традиции. Это явление в России, а в том числе, и на Украине, началось ещё с конца XVII, а во второй половине XIX века наступил его расцвет. В загородных дворянских усадьбах, в городских дворцах собирались замечательные коллекции памятников отечественного и западноевропейского искусства, обширные библиотеки.

Среди известных русских меценатов значатся Шереметьевы, Бутурлины, Демидовы, Третьяковы, а также меценаты с украинскими корнями Н. А. Терещенко, Б. И. Ханенко, отец и сын Харитоненки, В. В. Тарновский, О. Н. Антонович, Андрей Разумовский, И. М. Скоропадский и другие.

Помощь русских меценатов в разное время получали Г. Р. Державин, И. А. Крылов, И. П. Мартос, К. П. Брюллов, Т. Г. Шевченко, Академия наук, университеты и научные школы, отдельные научные проекты, экспедиции, музеи и театры. Они обогатили страну, создавая театры и библиотеки, музеи и картинные галереи, собирая и передавая в государственное владение грандиозные коллекции, поддерживая ученых, художников и литераторов. Меценатство в России получило масштабы, не сравнимые с никакими иными. В конце девятнадцатого — начале двадцатого веков оно было существенной, заметной стороной духовной жизни общества. Число меценатов в России на рубеже двух веков, наследование добрых дел представителями одной семьи, альтруизм благотворителей, высокая степень личного участия отечественных меценатов удивляют и восхищают. Их личные качества, интересы и духовные потребности, уровень

образования, воспитания говорят о том, что перед нами подлинные интеллигенты.

Великие традиции отечественного меценатства были порушены после Октябрьской революции 1917 года. Вот как писал в своём идейно выдержанном «научном» труде один из советских исследователей проблемы: «Октябрьская революция экспроприировала нетрудовые классы, выделявшие меценатов. Глубокие воззрения на писательский труд, установленные нормы гонорара, организованная помощь литературным организациям препятствуют у нас проявлению меценатства. Но всего важнее здесь идейное, морально-политическое влияние социалистической революции на деятелей литературы и искусства, обуславливающие их идейный переход на позиции пролетариата. Именно это влияние социалистической революции и делает невозможным существование меценатства в условиях советской действительности».

И вот в этих-то условиях официального духовного мракобесия, вопреки, а не благодаря им, появились и развивались ростки нового для совковой жизни явления, которое можно было бы назвать советским меценатством. Оно было основано, в силу исторически обусловленных экономических реалий, не на финансовой основе и финансовых возможностях людей, которые стремились воплотить в жизнь идеи меценатства, а зиждилось на духовном фундаменте. В качестве своеобразного инструментария для поддержки подвижничества, в том числе, и в сфере развития культуры и искусства, советские меценаты способствовали реализации различных социально-духовных проектов, каким, в частности, был и Пархомовский музей, используя свой служебный или партийный статус, личные связи в госаппарате и в госучреждениях, в партийных органах и творческих союзах советского образца.

Другая категория меценатов советских времён — это непосредственно сами деятели культуры и искусства, которые понимали, что для реализации их профессиональных творческие задач, воплощения в жизнь культурно-духовных и нравственно-эстетических проектов их собственные усилия необходимо объединять с титаническими, и отнюдь, не конъюнктурными, устремлениями энтузиастов из народа. Иными словами, произошла некая транс-

формация внутреннего содержания самого понятия меценатства, оно наполнилось новым смыслом, не исчезнув, как об этом заявляли советские идеологи, а приспособившись к новым историческим условиям.

Именно с таких позиций, как нам кажется, можно объяснить, в определённой мере, почему основателю провинциального сельского музея передавались для школьников шедевры искусства. Люди жертвовали, понимая, что, в народный музей, к народу попадёт то творческое наследие, которое собственно и создавалось художниками для этого же народа. И позволим себе повториться, что этот вид меценатства ни в коей мере не подпадает под классическое определение данного понятия, ибо основывалось оно, как мы уже ранее отмечали, не на денежных возможностях жертвователя, а на твёрдом убеждении в праведности дела, на которое их подвигла как исторически сложившаяся отечественная практика, так и понимание, возможно, даже подсознательное, того, что у них есть именно такой шанс и способ эту традицию сберечь и приумножить.

Советская действительность создала тот феномен общественно-личностных отношений, который позволял осуществлять и воплощать в жизнь альтруистские проекты на совершенно некоммерческой основе, ибо конкретика производственно-общественных отношений того исторического периода определяли сознание людей, мотивы их поступков, а также оценки тех или иных жизненных явлений. Именно исходя из этих утверждений, мы можем давать оценку и подвижничеству деятельности Афанасия Лунёва.

Какое же место мы можем отвести его личности в контексте наших рассуждений о явлении советского меценатства, опираясь на огромный багаж фактажа о его полувековом, возможно, уместным будет применить такое слово, музеетворчестве? На первый взгляд, его деятельность не подпадает непосредственно под определение понятия меценатства, о котором мы говорили выше, ибо выходит так, что он был, как бы, получателем того, что жертвовали для Пархомовского музея дарители. То есть, лицом, если можно так выразиться, пассивно пользующимся плодами этого самого меценатства, пожинаяющим его плоды и покаясь на лаврах славы.

Это было бы, возможно, и так, если бы сам создатель сельской сокровищницы искусства выступал бы в качестве некоего стороннего созерцателя данного процесса. Но именно ему принадлежала роль непосредственного вдохновителя и организатора данного проекта. Он то как раз тоже был жертвователем. Если хотите, жертвоприносителем своего таланта, своей энергии, своего времени, своего личного благосостояния и благополучия, в том числе и семейного, своих, пускай и весьма ограниченных, финансовых ресурсов, в конце концов, своего здоровья. Не следует забывать и то, что ему не единожды приходилось тратить усилия на борьбу за утверждение своего личного социально-творческого статуса, противостоя провинциальной серости и неприятию его педагогических и нравственных позиций.

Продолжая анализировать проблематику исследуемого нами явления, следует отметить ещё несколько, на наш взгляд, важных моментов, характеризующих меценатство создателя Пархомовской музейной коллекции. На всём протяжении своей педагогической и музеетворческой деятельности, А. Ф. Лунёв создавал вокруг себя среду активного творчества, делания добра, созидания, стремился, чтобы его личный вклад начал самостоятельно работать на умножение блага. Он ни в коей мере не тяготел к тому, чтобы получить выгоду от своей деятельности и, если и пропагандировал свои добрые дела, то отнюдь, выражаясь современными категориями, не в рекламных целях, а с тем, чтобы вовлечь в делание добра как можно больше людей.

Таким образом, всех, кто окружал Лунёва-мецената, участвовал и способствовал его деятельности, все крепче объединяла идея общего дела. Меценатство Афанасия Фёдоровича неразрывно всегда было связано с духовностью, оно зиждилось на прочных морально-нравственных устоях, на православной вере.

Соизмеряя, что было первично, а что вторично в процессе такого вот своеобразного переплетения двух, можно сказать, встречных потоков меценатства — личного и общественного — следует отметить, что это было движение взаимодополняющих друг друга факторов, которые в итоге и смогли привести к искомому результату — созданию музея. Но всё же, отправной точкой в процессе

этого музеетворчества, позволим себе и в дальнейшем использовать этот термин, введя его в научный оборот, была, вне всякого сомнения, личность самого инициатора — Афанасия Фёдоровича Лунёва.

А теперь давайте несколько отвлечённо задумаемся над вопросом, а было бы возможным в наше сверх демократическое время создание такого вот Пархомовского музея в такой вот именно способ, какой мы только что сделали попытку проанализировать? Думается, что ответ на этот вопрос вполне может быть очевиден. Вряд ли.

Почему? Да потому, что всеобщее падение нравственных устоев во многих сферах функционирования общественных механизмов, которые регулируют процессы взаимодействия между людьми сегодня, к огромному сожалению, сводятся к единому знаменателю: всё измеряется деньгами, критерием нужности и ценности человека есть его финансовый, а отсюда ещё плюс его политический статус. Всё другое в расчёт не принимается. Так называемые рыночные механизмы регулирования общественных отношений сегодня определяют, что имеет право на существование, а что нет, какие общественные движения, институты, духовные ценности нужны в таком государстве. Это самое государство, хотя бы для видимости, ныне даже не пытается культивировать истинные моральные ценности на почве, где произрастают теперь только зелёные доллары, которые, как карантинный сорняк, продолжают уничтожать всё живое и нравственно значимое вокруг.

Истинная культура, наука, образование на наших постсоветских территориях ныне существуют лишь благодаря той небольшой социальной прослойке настоящих интеллигентов, которых «демократическое» государство продолжает, как бульдозер, подминать под себя, тем самым перемещая планку показателя на шкале нравственных ценностей в общественном сознании в сторону противоположную этим самым ценностям.

Конечно, много было спорного и неоднозначного и в советской истории. Но вот чего нельзя отрицать, так это того, что в рассматриваемое нами время социалистического прошлого начался и происходил процесс самоочищения в среде интеллигенции, суть кото-

рого заключалась в том, что постепенно сформировался и окреп тот идейно-нравственный (не следует путать с терминологией официальной партийной пропаганды времён КПСС) своеобразный общественный фундамент, на котором, образно говоря, выросло дерево, которое начало приносить цивилизационные плоды истинных общечеловеческих ценностей. С точки зрения сегодняшнего отрицания всего нашего «проклятого» прошлого, подобное утверждение, возможно, звучит парадоксально, ибо оно на общем агрессивном фоне явно диссонирует с нынешней пропагандистско-информационной партитурой, которую исполняет сводный хор нынешних апологетов «демократии». Но в качестве примера, существование явления советского меценатства мы можем наглядно подтвердить даже одним фактом создания Пархомовского историко-художественного музея. А это и есть не что иное, как одно из ярких проявлений феномена общественно-личностных отношений, которые сформировались и утвердились в условиях советской действительности.

Нам могут возразить, что это было, скорее, исключением из правил советского образа жизни, но мы не можем отрицать того, что именно в исторических условиях той прежней действительности получили мировое признание советское изобразительное искусство, литература писателей-диссидентов, кинематограф, театральные жанры, наука, образование... И во всём этом как раз и было проявление тех качественных изменений в среде советской интеллигенции, благодаря меценатской деятельности которой был создан в далёкой сельской провинции и музей такого уровня как Пархомовский.

И в заключение. Неоценимый вклад в создание Пархомовской сокровищницы в то далёкое время внёс, в том числе, и ленинградский Эрмитаж с директором, академиком Борисом Пиотровским, с которым А. Ф. Лунёва связывала многолетняя дружба. Сейчас как-то не принято у нас говорить о России. Но о чём всё-таки, думается, уместным было бы сказать. По инициативе Эрмитажа в лице нынешнего директора всемирно знаменитого музея академика Михаила Борисовича Пиотровского (сына Бориса Борисовича) с 2005 года в России 13 апреля ежегодно отмечается замечатель-

ный праздник — День благотворителя и мецената. Дата приурочена ко дню рождения Гая Мецената, римского покровителя поэтов и художников, чье имя и стало нарицательным словом «меценат». Хотелось бы, чтобы в нашей стране был такой вот праздник. Но, к сожалению, на сегодня в Украине даже существующее в сфере благотворительности законодательство не отражает в полной мере реальную ситуацию с меценатством.

Конечно, сейчас на постсоветском пространстве, в том числе, и в Украине, наблюдается двусмысленное отношение к меценатству. Одной из главных причин этого является неоднозначное отношение к состоятельным людям в существующих сегодня условиях все более сильного расслоения общества. Никто не оспаривает того, что зачастую богатство наживается не совсем приемлемыми для большинства населения способами. Но, хочется надеяться, что есть в Украине среди числа богатых людей и те, кто отдает миллионы на развитие и поддержание науки и культуры и другие благотворительные цели. И было бы замечательно, если бы наше родное государство озаботилось хотя бы тем, чтобы имена современных отечественных меценатов стали известны широкому кругу населения. Возможно, их пример поспособствовал бы тому, чтобы кто-то и в наше рыночно-демократическое время заразился бы их энтузиазмом и захотел бы создать музей, подобный Лунёвскому.

Примечания

1. Аронов А. А. Золотой век русского меценатства / А. А. Аронов. — М.: Издательство Моск. ун-та культуры и искусств, 1995. — 116 с.
2. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. — М.: Наука, 1989. — 192 с.
3. Гавлин М. Л. Меценатство в России: научно-аналитический обзор / М. Л. Гавлин. — М.: Юнион, 1994. — 50 с.
4. Лопухина Е. М. Самые знаменитые меценаты России / Е. М. Лопухина. — М.: Вече, 2003. — 378 с.

5. Минченков Я. Д. Меценаты искусства и коллекционеры. — М., 2004.
6. Предпринимательство и предприниматели России: От истоков до начала XX века / ред. А. К. Сорокин. — М.: РОССПЭН, 1997. — 334 с.
7. Харькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России: Учебное пособие / Е. П. Харькова. — М.: ПРИОР, 1998. — 496 с.
8. Щербаков С. А. Московские меценаты / С. А. Щербакова // Современные записки. — 1938. — № 3.